

Т.В. Медведева

Люди Нового времени в трудах Н.В. Голицына

Аннотация В статье рассматривается историографическое наследие Н.В. Голицына, посвященное проблемам истории Нового времени. Большинство его работ в той или иной мере имеет важный историко-антропологический компонент, в частности — представляют взгляд на происходящие процессы с позиции их участников, рассматривают социальные практики и «бытовую», повседневную историю. Исторические портреты деятелей XVII–XIX вв. в работах Н.В. Голицына характеризуют этапы формирования человека Нового времени.

Ключевые слова: Н.В. Голицын, историография, история Нового времени, история идей, Екатерина II.

Summary The article is based on scientific works of the historian N.V. Golitsyn, devoted to the problems of Modern times. Most of these works are related to historical anthropology: for example, they explore everyday history, the history of ideas, and social practices. N.V. Golitsyn presents historical portraits of people, both rulers and people of low classes, at different stages of the formation of the personality of the Modern times.

Keywords: N.V. Golitsyn, historiography, history of Modern times, history of ideas, Catherine II.

Николай Владимирович Голицын (1874–1942) известен сейчас, главным образом, как архивист, один из инициаторов архивной реформы 1917–1918 гг. и начинаний, связанных с сохранностью архивных документов. Его работы по истории России используются незаслуженно мало, а некоторые из них остались неизданными в архиве ученого и только планируются к публикации. При этом, круг вопросов, поднятых им в статьях и очерках, а также подходы и методы, использованные для изучения прошлого, безусловно представляют интерес.

Историописание Голицына почти никогда не является обезличенным — оно всегда персонифицировано. При этом ему удастся возвыситься над

частными историями и на уровне обобщений говорить о масштабных процессах через бытовую и личную историю.

Голицына как ученого привлекала история социально-политических перемен, вопросы движущих механизмов тех или иных реформ и роли личности в этих механизмах, а также то, что сейчас называют историей идей. О чем говорит круг чтения верховника Д.М. Голицына; какие идеи считал необходимым сообщить императрице Анне Иоанновне воронежский поп Савва Дугин, а какие — Феофан Прокопович; чему мог и хотел научиться Игнатий Кучин «со товарищи» в Европе в Смутное время и почему не задалась эта учеба; как в голову императрицы Екатерины II пришла идея освободить крестьян от крепостной зависимости и как отговаривали ее литераторы А.П. Сумароков и М.М. Щербатов; что делал реформатор М.М. Сперанский в суде над декабристами и почему — ответы на эти вопросы составляют, в совокупности, в работах Н.В. Голицына обобщенный портрет человека Нового времени.

При этом Голицын-историограф безусловно актуален. Темы, затронутые и разработанные историком более столетия назад, в XXI веке вновь привлекают внимание исследователей, причем, нередко почти в тех же ракурсах и методических подходах. Так, выходят работы о Елизавете Петровне, впервые после Голицына повествующие о детстве будущей императрицы (однако, в большинстве случаев, не так подробно)¹; по материалам Посольского приказа прослеживается биография русских студентов из Любека, «открытых» Голицыным², публикуются сочинения мятежного попа Саввы Дугина, которые Голицын планировал ввести в научный оборот в 1917 г.³, проходят переоценку выводы историка о деятельности М.М. Сперанского⁴.

¹ Ср.: *Голицын Н.В.* Отроческие годы цесаревны Елисаветы Петровны (1900-е гг., 34 л. Рукопись из семейного архива А.К. Голицына) и *Анисимов Е.В.* Елизавета Петровна. М., 1999. Гл. 2 «Четвертная лапушка»; *Лиштенан Ф.-Д.* Елизавета Петровна. Императрица, не похожая на других. М., 2012. Гл. 1 «Маленькая Венера».

² Ср.: *Голицын Н.В.* Дополнительные известия о русских студентах, отправленных в Любек Борисом Годуновым в 1603 г. (РГИА. Ф. 1686. Оп. 1. Д. 5. 45 л.) и *Лисейцев Д.В.* Переводчик посольского приказа Игнатий Андреевич Кучин (К вопросу о судьбе одного из «Годуновских студентов») // *Русский родословец.* 2002. С. 4–8; *Зверев С.В.* Новые материалы о русских студентах в Любеке // *Иноземцы в России в XV–XVII веках: Сборник материалов конференции.* 2002–2004 гг. М., 2006. С. 260–269.

³ Ср.: Статья Н.В. Голицына о священнике Савве Дугине (по материалам Тайной канцелярии 1730-х годов) (РГИА. Ф. 1686. Оп. 1. Д. 11. 173 л.) и *Шамин С.М.* «Доношения» воронежского священника Саввы Ивановича Дугина в документах Тайной канцелярии // *Вестник церковной истории.* 2015. № 3/4 (39/40). С. 116–139.

⁴ Ср.: *Голицын Н.В.* Сперанский в верховном уголовном суде над декабристами // *Русский исторический журнал.* 1917. Кн. 1/2. С. 61–102 и *Боленко К.Г.* Об одной историографической развилке 1920-х гг.: Н. В. Голицын как историк Верховного уголовного суда по делу декабристов // *Петербургский исторический журнал.* 2019. № 2(22). С. 224–231.

Наибольший интерес ученого всегда вызывал переменчивый XVIII век, причем, на всем его протяжении: события юности Елизаветы Петровны, проекты реформирования 1730-х гг., преобразования и внешняя политика времен Екатерины II. Однако, начинал свою научную карьеру Н.В. Голицын с работ, посвященных XVII столетию, причем с темы, носившей, казалось бы, частный характер.

Большая статья «Научно-образовательные сношения России с Западом в начале XVII века»⁵ была представлена в ОИДР, активно обсуждалась и по итогам этого обсуждения была продолжена молодым историком. Голицын рассмотрел обе стороны «сношений» — отправку русских дворян на обучение в Европу и привлечение Борисом Годуновым образованных иноземцев для работы в России. В истории о студентах Голицын первоначально сосредоточился на четырех учениках, живших в Англии, и проследил их судьбу как по архивным документам (прежде всего, статейным спискам), так и по зарубежным публикациям. Здесь, как и в последующих работах, проявился характерный стиль историка, совмещающий элементы историописания с археографией — в ткань исследования включены публикации архивных источников, дополняющие и иллюстрирующие статью. Голицын размышляет о столкновении взглядов, которое обнаружилось в ходе этого образовательного обмена: «столкнулась древнерусская религиозная нетерпимость с принципом свободы вероисповедания; такого-то рода столкновения и послужили одним из первых путей ознакомления русского общества до-Петровской эпохи с началами, на которых строилась западноевропейская жизнь. На примере русских юношей, — пишет Голицын, — “позадававших” в Англии и “навыкших” английским обычаям до такой степени, что они утратили всякое национальное обличье, на этом примере ясно сказывается предчувствие того увлечения Западом, которое ознаменовало XVIII век»⁶. Историк замечает, что «попытка Бориса Годунова привить русским людям западноевропейскую образованность окончилась неудачно, или, лучше сказать, слишком удачно, так как предназначенные им к тому молодые люди дали себя через меру увлечь блеском западной цивилизации и забыли и родину свою, и веру своих соотечественников, и цель, с которой они были отправлены за границу»⁷.

Прямым продолжением этой работы стал доклад в ОИДР в 1899 г., составленный по материалам уже немецких архивов и посвященный студен-

---

⁵ Голицын Н.В. Научно-образовательные сношения России с Западом в начале XVII века. Исторический очерк // ЧОИДР. 1898. Кн. IV. С. 1–34 и отд. оттиск.

⁶ Там же. С. 16.

⁷ Там же. С. 18.

там, направленным в Любек⁸. В нем раскрываются перипетии заграничной жизни русских юношей в Германии и их судьба в Смутное время. Примечательны изыскания, которые привели Голицына к этим документам: итогом предыдущего доклада стало знакомство с московским архивистом Августом Георгиевичем Нутом и немецким юристом и историком доктором Фелингом, которые помогли с поиском документов в любекских архивах. Таким образом, в распоряжение Голицына попали ведомости расходов на содержание русских учеников и их письма в Совет г. Любека. Здесь, в ином роде, но столь же выражено обнаруживает историк конфликт интересов, ведущий к частичному провалу образовательной миссии. Голицын цитирует красноречивые сетования из грамоты бургомистров Любека: «робят давали учить, поили и кормили и одежду давали и чинили им по нашему возможению всё добро. А оне непослушны и поучения не слушали, и ныне двое робят от нас побежали неведомо за што»⁹.

Вскоре после этих работ Голицын издает подборку документов Митавского герцогского архива, характеризующую русско-шведские отношения середины XVII в., снабженную большим предисловием, посвященным вопросам атрибуции, датировки и критики этих текстов. В работу вошли несколько грамот (кн. Ивана Борисовича Черкасского — к Иоганну Шкуту, ливонскому губернатору; новгородцев — к воеводе г. Орешка, коллективные жалобы русских купцов шведскому правительству и др.). Здесь историк скуп на рассуждения, однако обращает внимание читателей на то, каким предстает «мир, мирской строй, которым жили корельские крестьяне». Голицын выделяет понятие «мира» из крестьянской челобитной шведской королеве: «писана ся наша *мирская* челобитная *из всего миру*»; замечает подразделение крестьян на «лутчих, середних и молотчих»¹⁰. Историка привлекает в грамотах, наряду с фактографической информацией «живая картина крестьянского быта Корельской земли»¹¹.

В том же архиве герцогов Курляндских в Митаве взгляд Голицына привлекает связка писем, случайно оказавшихся среди бумаг генерала Левенгаупта — послания фельдмаршала Федора Алексеевича Головина к курьеру Павлу Готовцеву (вероятно, перехваченные шведами), в которых, кроме служебных поручений, описывается участие автора в походах царя Петра,

⁸ Голицын Н.В. Дополнительные известия о русских студентах, отправленных в Любек Борисом Годуновым в 1603 г. (РГИА. Ф. 1686. Оп. 1. Д. 5. 45 л.).

⁹ Голицын Н.В. Научно-образовательные сношения ... С. 6. Эту грамоту ученый цитирует по примечаниям к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина.

¹⁰ Голицын Н.В. К истории русско-шведских отношений и населения пограничных с Швецией областей (1634–1648 гг.). М., 1903. С. 5.

¹¹ Там же.

планы государя и политические события при дворе¹². В этих же письмах Головин раскрывает подробности сооружения новой столицы, дополняющие известные ранее источники.

Частные письма XVIII в. становятся основным источником и для других работ Голицына. Наиболее примечательна тут неопубликованная статья об отроческих годах будущей императрицы Елизаветы, которая, возможно, готовилась вместе с публикацией двусторонней переписки юных царевен Анны и Елизаветы с родителями и писем приближенных лиц о воспитании девочек. Рукопись статьи сохранилась в архиве Н.В. Голицына вместе с копиями писем петровского времени из документов Государственного архива¹³. Историк подробно исследует вопросы воспитания и образования царевен и те приоритеты, которые виделись царственным родителям в этом деле. Он также подчеркивает столкновение взглядов и новые смыслы, которые вкладывал Петр в обучение дочерей. «Велик был разрыв с московской стариной, если даже царские дочери, которых до сих пор ревниво оберегали стены кремлевских теремов от всякого влияния извне, теперь с детства окружались иноземцами, учились говорить на иностранных языках раньше своего родного, и первые письма свои к родителям, чтобы доставить им удовольствие, писали по-немецки, — замечал Голицын, — В деле воспитания дочерей мысль царя Петра провидела будущее, когда дочери его станут невестами и женами иностранных принцев, быть может королей; если он с одной стороны не желал, чтоб они уподобились его сестрам и теткам, рождением обреченным на безбрачие, то с другой он не мог не надеяться, что отныне и русские “принцессы” сделаются завидными партиями, войдут в семьи европейских государей, как вошла Россия в семью европейских государств... Поэтому, заставляя своих дочерей изучать иностранные языки и тем ставя их на один уровень со всеми прочими принцессами Европы, Петр несомненно руководился дальновидным намерением завязать благодаря им прочные родственные связи с нужными России дворами; это намерение сказалось уже в выдаче им замуж за иностранных принцев его племянниц, дочерей царя Ивана... Но не один расчет руководил им в этом отношении; лучше, чем кто-либо, он мог знать цену образованности, и возглас горького сожаления о том, что в детстве он не был выучен “как должно”, был искренним; тем более должен был он стараться дать детям своим нужное воспитание, чтобы они не оказались когда-нибудь в таком же поло-

---

¹² Голицын Н.В. Петербург или Петрополь? (Новое свидетельство об основании Петербурга). СПб., 1903.

¹³ Голицын Н.В. Отроческие годы цесаревны Елисаветы Петровны. 34 л. Рукопись и подготовительные материалы к ней находятся в семейном архиве А.К. Голицына.

жении, в каком он был сам, слишком поздно узнавший, как “должно” быть выучену»¹⁴. В личном архиве историка сохранились многочисленные выписки по истории царствования Елизаветы Петровны, свидетельствующие о том, что он планировал продолжить изучение ее правления и проследить, какие плоды дало образование и воспитание царевны.

Из неизвестных трудов Н.В. Голицына об эпохе 1730-х гг. необходимо назвать статью и подготовленную им документальную публикацию, посвященные «диссиденту» первой трети XVIII в. Савве Дугину¹⁵. В исследовании, над которым историк работал в 1915–1916 гг., по материалам Тайной канцелярии восстанавливается биография и идеи священника Воронежской губернии Саввы Ивановича Дугина, не желавшего мириться со злоупотреблениями администрации. Главный герой характеризуется как «натура боевая», «одна из тех смелых и беспокойных натур, на которые косо смотрит всякое, даже самое снисходительное начальство»¹⁶. Голицын рассматривает личность Дугина, его представления об административном произволе и беспорядках. «Особенность протеста Дугина, — подчеркивает историк, — заключается в той форме, в какую он его облек; как человек образованный, сравнительно с окружающей средой, и как ум творческий, не могущий успокоиться на одном пассивном признании неприглядности житейской обстановки, среди которой ему приходилось действовать, одушевленный желанием применить доступные его познаниям средства к исправлению существующего строя»¹⁷.

К исследованию Голицын прилагает два документа, вышедшие из-под пера Дугина, предназначавшиеся к поднесению императрице Анне Иоанновне: «Устав христианского жития» и «Известительный доклад», содержащие кодекс политических и нравственных правил для организации местного управления. «“Устав” намечает те пути и способы, какими должна управляться Россия, “Доклад” рисует картину того, как она на самом деле управляется. Первый является любопытным памятником политической мысли одинокого и самостоятельного ума, второй дает яркое и мрачное изображение быта провинциального общества в рассматриваемую эпоху»¹⁸ — поясняет Голицын. Спор Дугина с Феофаном Прокоповичем Голицын называет «спором двух мировоззрений», в котором столкнулись

---

¹⁴ Голицын Н.В. Отроческие годы цесаревны Елисаветы Петровны. Рукопись из семейного архива А.К. Голицына. Л. 31.

¹⁵ Голицын Н.В. [Священник Савва Дугин и его проекты...] (РГИА. Ф. 1686. Оп. 1. Д. 11. 173 л.).

¹⁶ Там же. Л. 3.

¹⁷ Там же. Л. 2 об.

¹⁸ Там же. Л. 3.

«религиозный мистицизм безвестного сельского попа и церковно-государственный утилитаризм знаменитого иерарха»¹⁹. Среди материалов дела Дугина некоторые документы вызывают искреннее удивление Голицына-историка. Он предлагает для публикации «объявление» (объяснение), составленное мятежным попом для Синода, подчеркивая, что оно «дышит такой искренностью, проникнуто таким лирическим подъемом и так полно и ярко характеризует наивную веру автора в свою правоту, что нельзя отказать себе в удовольствии привести полностью этот документ, по странной случайности затерявшийся среди сухих и бездушных протоколов следственного дела»²⁰.

К истории идей относится и другая статья Голицына, посвященная переломному 1730 г. и позиции архиепископа Феофана Прокоповича, создавшего «Сказание»-памфлет о незаконных действиях верховников, «Изыяснение, каковы были неких лиц умыслы, затейки и действия в призове на престол Ея Императорского Величества» и «Записку» о предполагаемом суде над верховниками²¹. Историк подчеркивает, что все три произведения архиепископа тесно связаны между собой внутренней логикой и целью привлечь верховников на суд современников, причем на суд исключительный, соответствующий их беспримерному преступлению. Археографическая и источниковедческая работа в этом исследовании Голицына неразрывно связаны с историческими рассуждениями: на основе документов рассматриваются политические взгляды оппозиционного архиепископа и его противостояние с Верховным Тайным советом.

Менталитет современников Петра I и Анны Иоанновны оказывается в центре внимания другой статьи, посвященной книговедческим вопросам. «Выбор книг для чтения настолько же определяет личность человека, как и выбор его знакомств, и нередко сухой перечень книг в библиотеке того или другого лица живей и ярче рисует вам его образ, чем сотни свидетельств его современников»²² — с этого положения Голицын начинает реконструкцию библиотеки и круга чтения верховника князя Д.М. Голицына. Особую ценность представляют размышления историка о важности изучения частных библиотек и их роли в культурном процессе.

---

¹⁹ Там же. Л. 14.

²⁰ Там же. Л. 15. Совсем недавно эти документы были рассмотрены в работе: *Шамин С.М.* Видения священника С. И. Дугина и «пасквиль» на архиепископа Феофана (Прокоповича) 1731 г. // *Вестник церковной истории.* 2019. № 1/2(53/54). С. 53–91.

²¹ *Голицын Н.В.* Феофан Прокопович и воцарение императрицы Анны Иоанновны // *Вестник Европы.* 1907. Кн. 4. С. 519–543.

²² *Голицын Н.В.* Новые данные о библиотеке кн. Д.М. Голицына (верховника). М., 1900. С. 1.

Наряду с антропологическими рассуждениями, эта небольшая статья оказалась весьма значимой и с библиографической точки зрения. Не смотря на обширную современную историографию по библиотеке Голицыных, вокруг книг верховника все еще существуют «легенды» и для развенчания их, в первую очередь, обращаются к краткой работе Н.В. Голицына как наиболее авторитетной в характеристике состава собрания²³.

Екатерининское время представлено в работах Голицына несколькими фигурами, среди которых: Г.-Ф. Миллер, И.И. Шувалов, Д.И. Фонвизин и Сенак де Мейан, а также участники дискуссии об освобождении крестьян в середине 1760-х годов.

В статье «Великая княгиня Екатерина и камер-лакей Андрей Чернышев (1746–1747 гг.)»²⁴ историк ставит вопрос о значении записок Екатерины II «как исторического и *психологического* документа» (выделено мной. — *Т.М.*), причем Голицын в конце статьи подчеркивает, что если на исторические факты в изложении императрицы стоит смотреть с большой долей критики, то вторая ипостась Записок представляется наиболее ценной. А историю взаимоотношений великого князя Петра Федоровича, молодой Екатерины Алексеевны и камер-лакея Андрея Чернышева он рассматривает не только на основе разных редакций записок императрицы, но и с привлечением дела из фонда Тайной канцелярии. «Дело это, — замечает Голицын, — дает прекрасную картину быта великокняжеского двора в 1744—1746 гг. и вместе с тем является яркой иллюстрацией к запискам Екатерины»²⁵.

Против возможных ожиданий читателя, в центре статьи находятся не амурные дела будущей императрицы, а марсовы забавы ее супруга, наделавшие немало шума при дворе и характеризующие несдержанный нрав Петра. Показания Чернышева, подшитые к делу, написанные «весьма грамотно, даже литературно», дополняют образ молодого Петра Федоровича и его военных забав, во многом согласуются с поздними Записками Екатерины II. «Так сходятся свидетельства двух лиц, стоявших на совершенно различных плоскостях, писавших по совершенно различным побуждениям и вспоми-

²³ См., например: *Боленко К.Г.* Первый российский эклибрис «EX BIBLIOTHECA ARCANGELINA» (К вопросу о происхождении легенды) // Книга: исследования и материалы. М. 2005. Т. 84. С. 260–267; *Плющ М.А.* Использование интернета для поиска сведений о распространении и опровержении легенды о библиотеке Дмитрия Михайловича Голицына // Научно-техническая информация. Сер. 1: Организация и методика информационной работы. 2014. № 7. С. 26–31.

²⁴ *Голицын Н.В.* Великая княгиня Екатерина и камер-лакей Андрей Чернышев (1746–1747 гг.) // Огни: История. Литература / Под ред. Е.А. Ляцкого, Б.Л. Модзалевского и А.А. Сивера. Пг., 1916. Кн. 1. С. 84–117.

²⁵ Там же. С. 93.

навших о рассказанных событиях в совершенно различные эпохи»²⁶ — подчеркивает Голицын, углубляясь в компаративное источниковедение.

В 1900 г. он готовит для ЧОИДР публикацию частных писем Дениса Ивановича Фонвизина к Алексею Михайловичу Обрескову за 1772 г.²⁷, ориентируясь на то, что они «представляют интерес, как по личности писавшего их, так и по тому эпизоду русской придворной и политической истории... к которому они имеют отношение». В предисловии он затрагивает закулисные интриги, сопровождавшие дипломатическую деятельность А.М. Обрескова в Фокшанах и Бухаресте в 1772 г. и непосредственно отразившиеся в письмах, делает важные замечания о языке писем Фонвизина и их источниковой ценности. Соединение частной истории и крупных политических событий через документ, говорящий «от первого лица», становится для Голицына одним из важных методических приемов, который он использует во многих своих работах. Письма Фонвизина «подымают завесу над такими фактами, поступками и отношениями, какие мы не узнали бы без их посредства... в них проявляется та же двойственность, какая лежит на деятельности графа Н.И. Панина; политические соображения высшего свойства чередуются в них с известиями интимной придворной жизни и ставятся во взаимную между собою связь» — подчеркивает Голицын²⁸.

Обращаясь к личности Герарда-Фридриха Миллера и его рукописям, историк отмечает тот неизменный и неутомимый *Forschungsgeist* (Дух исследования), который руководил ученым в течение всей его жизни²⁹. Описанию трех Портфелей Миллера предшествует большая исследовательская статья об истории этой коллекции: о хлопотах немецкого ученого по устройству своего собрания и о дальнейшей истории миллеровских бумаг в XIX веке. Стоит заметить, что в современной историографии вклад Голицына в изучение архива Г.-Ф. Миллера в ряде работ игнорируется³⁰.

---

²⁶ Там же. С. 96–97.

²⁷ Голицын Н.В. Письма Д.И. Фонвизина к А.М. Обрескову // ЧОИДР. 1902. Кн. 1. С. 1–9.

²⁸ Там же. С. 3.

²⁹ Вступительная статья к изд.: Голицын Н.В. Портфели Г.Ф. Миллера. М., 1899. 148 с.

³⁰ Например, Н.Ю. Болотина эту работу Голицына упоминает мельком лишь как публикацию описи архива. При этом сюжет статей исследовательницы почти в точности следует за работой Голицына, рассмотревшего вопрос на столетие раньше и значительно более подробно (Болотина Н.Ю. «После моей смерти посвятить публике». Судьба коллекции академика Г.Ф. Миллера // Исторический архив. 2006. № 1. С. 43–63; Болотина Н.Ю. Сохраненная коллекция: Из истории библиотеки академика Г.Ф. Миллера // Петербургская библиотечная школа. 2015. № 2(50). С. 30–35). Столь же утилитарно обращение к работе Голицына в статье И.В. Тункиной — обильно цитируются приводимые историком документы, но сама работа как историографический факт не учитывается (Тункина И.В. О судьбе рукописного наследия Г.Ф. Миллера // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. Т. 29. С. 3–11).

Другой фигурой, олицетворяющей середину XVIII века, становится у Голицына Иван Иванович Шувалов, сыгравший, по словам историка, «роль пионера... неофициального русского посла при той общеевропейской литературной державе», какой была Франция³¹. Работа о нем была задумана до революции, но увидела свет одной из последних — в 1939 г., а потому несет на себе отпечаток советских идеологических подходов, впрочем, мало выраженный. Характеризуя переписку Шувалова с европейскими корреспондентами, Голицын замечает: «это собрание писем типично для характеристики того предреволюционного придворно-аристократического общества Европы, которое нашло в это время общий язык для выражения своих мыслей, которое спешило жить беззаботной и легкомысленной жизнью, как будто в бессознательном предчувствии той революционной бури, которая скоро должна была смести и его и все то, чем оно жило... Письма очень ярко воспроизводят колорит изысканных и легких “causeries” последних салонов Франции; в этом отношении собрание писем к Шувалову является особенно типичным для предреволюционных годов XVIII столетия»³². Историк подчеркивает сходство вкусов и интересов русского вельможи и его корреспондентов, их уровня образованности и, в большинстве случаев, взаимную симпатию.

Доклад Голицына, посвященный проектам освобождения крестьян при Екатерине II, обращает на себя внимание, прежде всего, свободой формулировок и оценочных суждений³³. Прочитанный в 1900 г. на Историческом конгрессе в Париже, на французском языке для иностранной публики, он представляет собой краткое изложение выпускной работы Голицына, написанной в Московском университете (рассмотрение крестьянского вопроса с привлечением широкого круга источников составляет более 400 листов университетского сочинения)³⁴. Работа над этой темой подвела Голицына к идее сочинения о крестьянской общине, о чем он писал летом 1897 г. другу Н.В. Гагарину³⁵. Однако, реализовать замысел в полной мере не получилось. Зато вопрос о дискуссиях вокруг крестьянского вопроса был вновь поднят историком на парижском конгрессе через три года.

³¹ Голицын Н.В. И.И. Шувалов и его иностранные корреспонденты / Предисл., публ. Н.В. Голицына; пер. с фр. писем М. Неведомского // Литературное наследство. М., 1937. Т. 29/30: Русская культура и Франция. Кн. I. С. 259–342.

³² Там же. С. 264–265.

³³ Galitzine N. La question de l'émancipation des serfs sous l'impératrice Catherine II. Macon, 1902 (Mémoire présenté au Congrès international d'histoire comparée à Paris, 1900).

³⁴ Голицын Н.В. Очерк мнений по крестьянскому вопросу в царствование имп. Екатерины II в связи с судьбой этого вопроса в Комиссии для сочинения Проекта Нового Уложения 1767–1768 гг. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 513. Д. 1978.

³⁵ Письма Н.В. Голицына к Н.В. Гагарину. 1897 г. ОПИ ГИМ. Ф. 361. Д. 9. Л. 56 об.

История крестьянского вопроса во второй половине XVIII в. у Голицына предстает историей соперничества идей, выдвигаемых императрицей и отдельными дворянами (от А.П. Сумарокова и М.М. Щербатова до А.Я. Поленова и А.Н. Радищева), а неуспех в деле освобождения объясняется отсутствием у Екатерины системного подхода и точного понимания сути крепостного права. «Ей не хватало отваги, понимания последствий и проницательности, необходимых, чтобы поставить вопрос ребром» — считает историк.

При этом Голицын отдает должное Екатерине в другом вопросе — о противоборстве с революционной Францией, заметное участие в котором отводилось французскому литератору Сенаку де Мейану³⁶. Екатерина предполагала с его помощью тайно наладить связи и финансировать французских принцев в их войне против восставших. Историк прослеживает по документам контакты императрицы и писателя, историю их знакомства, расставания и объясняет почему Екатерина была разочарована в своем доверенном лице. Она обнаруживает его приверженность французской демократии, а после «издевается над его фатовством, над его манерой поучать всех, кто его слушает, над его самоуверенностью и легковесностью в отношении научных знаний»³⁷ и, в итоге, отказывается от услуг де Мейана, даже не посвятив его в свои планы. Статья наполнена живописными цитатами из документов екатерининского времени, в первую очередь, из частной переписки самой императрицы, Сенака де Мейана и нескольких высокопоставленных лиц.

Из трудов, посвященных первой половине XIX столетия, стоит отметить две работы, во многом противоположные. Это, с одной стороны, исследование о деятельности Михаила Михайловича Сперанского в Верховном уголовном суде над декабристами, изданное в 1917 г.³⁸ — работа, построенная на синтезе собственно исторического исследования и источниковедческих выкладок, дополненная публикацией источников, выполненной на высоком археографическом уровне. Итогом работы становятся заключения о ведущей роли Сперанского в суде и в период подготовки работы суда. По мнению Голицына, основанному на приводимых им документах, такое положение Сперанский занял как в силу личных дарований, так и в силу инициативы молодого императора Николая I, желавшего максимально вовлечь бывшего государственного секретаря в подготовительную работу над

---

³⁶ Голицын Н.В. Писатель Сенак де Мейан и Екатерина II (1791 г.) // Литературное наследство. М., 1939. Т. 33/34: Русская культура и Франция. Кн. III. С. 49–72.

³⁷ Там же. С. 66.

³⁸ Голицын Н.В. Сперанский в Верховном уголовном суде...

процессом. Историк также прослеживает насколько мучительной и эмоционально напряженной была для Сперанского работа над документами, сопровождавшими суд.

С другой стороны, Голицын на материалах XIX столетия обращается к сугубо частной истории, к истории повседневности и делает это совершенно осознанно. Он публикует дневник Елизаветы Ивановны Поповой³⁹, приживалки в богатом московском семействе 1840-х годов, объясняя его ценность следующим образом: «Действительно, в этом дневнике нет ни описаний крупных исторических событий... ни выдающихся по новизне данных о движении общественной мысли... И все-таки, несмотря на это видимое отсутствие строго научной ценности у дневника Е.И. Поповой, мы думаем, что издание его далеко не является делом бесполезным... внутренние достоинства этого дневника всецело оправдывают нашу решимость... Дневник Е.И. Поповой есть прежде всего памятник бытовой истории»⁴⁰. Это пристальное внимание к «бытовой», семейной истории, для которого автор не без труда подбирает аргументы и основания, составляет особую ценность ряда публикаций, подготовленных Голицыным в предреволюционные годы.

Из двух десятков работ Николая Владимировича Голицына, посвященных событиям XVII — начала XIX вв. больше половины в той или иной мере имеют важный историко-антропологический компонент, в частности — представляют взгляд на происходящие процессы с позиции их участников, рассматривают социальные практики и «бытовую», повседневную историю. Через эти портреты проступает эпоха, по ним можно проследить этапы формирования человека Нового времени. Исторический факт и исторический источник в трудах Голицына неразрывно связаны — он мастерски дает читателю возможность увидеть эту связь. Историк публикует — выносит на публику — обнаруженные в архивах тексты не для того, чтобы оставить их изучение следующим поколениям ученых, а для того, чтобы познакомить читателей с тем важным историческим фактом, неотъемлемой частью которого эти тексты являются.

Историография Голицына всегда одновременно персонифицирована и археографична. Люди и документы составляют основу его повествования. При этом, напрямую вопрос о роли личности в истории он поднимает только на материалах XIX века, говоря о М.М. Сперанском и М.Т. Лорис-Меликове.

³⁹ *Попова Е.И.* Из московской жизни сороковых годов. Дневник Елизаветы Ивановны Поповой / Под редакцией кн. Н.В. Голицына. СПб., 1911. 283 с.

⁴⁰ Там же. С. 18.

Хочется надеяться на возвращение имени Н.В. Голицына современной науке как некоей историографической целостности и более пристальное внимание к его трудам современных исследователей, а также на скорейшую публикацию неизданных работ историка, пока пребывающих в архивах.

Литература

- Анисимов Е.В.* Елизавета Петровна. М., 1999.
- Боленко К.Г.* Об одной историографической развилке 1920-х гг.: Н. В. Голицын как историк Верховного уголовного суда по делу декабристов // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2(22). С. 224–231.
- Боленко К.Г.* Первый российский экслибрис «EX BIBLIOTHECA ARCANGELINA» (К вопросу о происхождении легенды) // Книга: исследования и материалы. М., 2005. Т. 84. С. 260–267.
- Болотина Н.Ю.* Сохраненная коллекция: Из истории библиотеки академика Г.Ф. Миллера // Петербургская библиотечная школа. 2015. № 2 (50). С. 30–35.
- Болотина Н.Ю.* «После моей смерти посвятить публике». Судьба коллекции академика Г.Ф. Миллера // Исторический архив. 2006. № 1. С. 43–63.
- Голицын Н.В.* Великая княгиня Екатерина и камер-лакей Андрей Чернышев (1746–1747 гг.) // Огни: История. Литература / Под ред. Е.А. Ляцкого, Б.Л. Модзалевского и А.А. Сиверса. Пг., 1916. Кн. 1. С. 84–117.
- Голицын Н.В.* И.И. Шувалов и его иностранные корреспонденты / Предисл., публ. Н.В. Голицына; пер. с фр. писем М. Неведомского // Литературное наследство. М., 1937. Т. 29/30: Русская культура и Франция. Кн. I. С. 259–342.
- Голицын Н.В.* К истории русско-шведских отношений и населения пограничных с Швецией областей (1634–1648 гг.). М., 1903.
- Голицын Н.В.* Научно-образовательные сношения России с Западом в начале XVII века. Исторический очерк // ЧОИДР. 1898. Кн. IV. С. 1–34.
- Голицын Н.В.* Новые данные о библиотеке кн. Д.М. Голицына (верховника). М., 1900.
- Голицын Н.В.* Петербург или Петрополь? (Новое свидетельство об основании Петербурга). СПб., 1903.
- Голицын Н.В.* Писатель Сенак де Мейан и Екатерина II (1791 г.) // Литературное наследство. М., 1939. Т. 33/34: Русская культура и Франция. Кн. III. С. 49–72.
- Голицын Н.В.* Письма Д.И. Фонвизина к А.М. Обрескову // ЧОИДР. 1902. Кн. 1. С. 1–9.
- Голицын Н.В.* Портфели Г.Ф. Миллера. М., 1899.
- Голицын Н.В.* Сперанский в верховном уголовном суде над декабристами // Русский исторический журнал. 1917. Кн. 1/2. С. 61–102.
- Голицын Н.В.* Феофан Прокопович и воцарение Императрицы Анны Иоанновны // Вестник Европы. 1907. Кн. 4. С. 519–543.

- Зверев С.В.* Новые материалы о русских студентах в Любеке // Иноземцы в России в XV–XVII веках: Сборник материалов конференции. 2002–2004 гг. М., 2006. С. 260–269.
- Лисейцев Д.В.* Переводчик посольского приказа Игнатий Андреевич Кучин (К вопросу о судьбе одного из «Годуновских студентов») // Русский родословец. 2002. С. 4–8.
- Лиштенан Ф.-Д.* Елизавета Петровна. Императрица, не похожая на других. М., 2012.
- Плющ М.А.* Использование интернета для поиска сведений о распространении и опровержении легенды о библиотеке Дмитрия Михайловича Голицына // Научно-техническая информация. Сер. 1: Организация и методика информационной работы. 2014. № 7. С. 26–31.
- Попова Е.И.* Из московской жизни сороковых годов. Дневник Елисаветы Ивановны Поповой / Под редакцией кн. Н.В. Голицына. СПб., 1911.
- Тункина И.В.* О судьбе рукописного наследия Г.Ф. Миллера // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. Т. 29. С. 3–11.
- Шамин С.М.* Видения священника С. И. Дугина и «пасквиль» на архиепископа Феофана (Прокоповича) 1731 г. // Вестник церковной истории. 2019. № 1/2 (53/54). С. 53–91.
- Шамин С.М.* «Доношения» воронежского священника Саввы Ивановича Дугина в документах Тайной канцелярии // Вестник церковной истории. 2015. № 3/4 (39/40). С. 116–139.
- Galitzyne N.* La question de l'émancipation des serfs sous l'impératrice Catherine II. Macon, 1902 (Mémoire présenté au Congrès international d'histoire comparée à Paris, 1900).